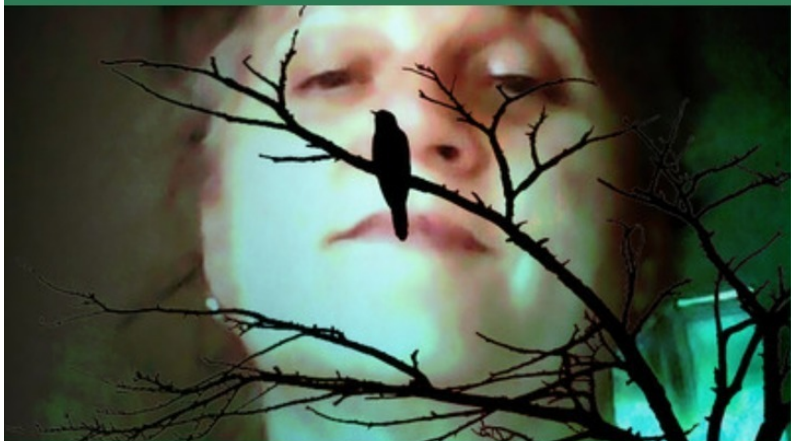

Лилия Буряк

ТА ПАМЯТНАЯ ВЕСНА

рассказы

Лилия Буряк

Та памятная весна. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28067284

ISBN 9785449008039

Аннотация

Рассказы не новые, но в сборнике впервые. Единой темы нет, если не считать человеческие переживания. Я уверена, что они найдут своего читателя. И я вам буду рада.

Содержание

Фантастический рассказ «Укус скорпиона»	5
1	7
2	12
3	17
4	23
5	32
Женька (рассказ)	35
1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Та памятная весна

Рассказы

Лилия Буряк

Иллюстратор Олеся Буряк

© Лилия Буряк, 2017

© Олеся Буряк, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-0803-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фантастический рассказ

«Укус скорпиона»

1

*Белый танец белый танец
Как же это, так не честно,
Где ты русский мой Афганец,
Ждёт тебя твоя невеста,
Возвращайся, возвращайся,
От обугленной границы
Не могу я в белом платье,
Со своей бедой кружиться
(И. Шведова – афганский вальс)*

Стаяла глубокая, хмарая летняя ночь. Юлиана замерла у окна. Грустно взирая, на огни мерцающего города. Она теперь часто, вот так в одиночестве, наслаждалась таинственным видом. Нет, то не являлось прихотью или капризом, это была неизбежная, жестокая реальность. Пятый год она несет крест молодой вдовы. Пятый год, – как её сокол, её любовь жизни, сгинул в Афгане, в кровавой бессмысленной бойне. Вернулся домой в стандартном солдатском гробу.

Война это крайне уродливая особа, во всех своих проявлениях и формах. Здравым умом её не принять. Раны что наносит она, зализывает не одно поколение. Да и нужна эта скверная тётка, лишь нечистым на руку торговцам смертью, да горе политикам. Им наплевать, что Юлькина драгоценная половинка, который год лежит на печальном массиве городского кладбища. Им все равно, что её дети растут, не зная

отца. Тем более безразличны переживания, что лежат на её душе томным камнем.

Поправила шторы. Отошла от окна. Как приведение, поплыла по безмолвной квартире. В детской посапывали носиками, Димка с Наташкой, – двойняшки. Этой осенью им идти в первый класс... Какой бы веселый праздник устроил для них не сравненный их папка. Боль снова коварно вонзила острые коготки в сердце. Женщина всхлипнула, и испугавшись, поспешила на кухню.

Антон был летчиком. Его послали в Афган, в недолгую командировку. Им выпала честь перевозить новобранцев и грузы в места дислокаций. Она застонала, вспомнив, как сообщил он эту жуткую новость; как стиснуло душу жесткой неведомой силой. Но выбора не было, так приказала страна. Остаток недели проводил с семьей. Был предельно внимателен к ней. Таскал без устали на руках восхищенных детишек. Прослышав о том, заходили проститься друзья. Родители так же дневали у них до отъезда. Они как-то разом заметно постарели. Но старались держаться бодро. Никто не хотел верить в печальный исход. Антон с оптимизмом планировал дни возвращения. А Юлька ходила за ним по пятам, словно тень. Ласкалась уныло, как будто побитый котенок. Глядела во все глаза, и не могла наглядеться. Как ей хотелось все это остановить, как кино. Но время спешило и приближалось, жестокое бессмысленное расставание.

Она помнит до мельчайшей подробности то горькое утро.

Как собирала ему в дорогу сумку. Как завтракали, будто никуда не спеша. Шутили. Играли. Как увозило его, то ничем не приметное, городское такси.... Дни поползли уныло, как в тумане. Он часто писал. Когда удавалось, звонил. Подбадривал: «Все хорошо. Встреча не за горами!».... А через сто тридцать пять дней, его доставил на родину печальный «черный тюльпан».

Война, – это корявая, злобная жаба, что приходит, как вор, унося в неизвестность любимое и дорогое, безжалостно выжигая из сердца надежду и счастье, уродуя выжившим души страданием и болью. Зачем нам нужна была эта ничемная веха? Бессмысленная мясорубка, забравшая жизни у стольких достойных сынов. Там гибли ребята, что только окончили школу, что только узнали лезвие бритвы, что не успели узнать, что значит прекрасное чувство любовь. Их бросили в пекло, не научив защищаться. Лишь приказали: «Чтоб выжить, ты должен убить». И они убивали, но чаще всего возвращались досрочно в солдатском убогом гробу. Страна упивалась щедрой горючей слезой.

Ну почему же, мы бываем так безучастны к чужому горю? Почему, министрам не ясно, что каждый воин: «Это чей-то сын, муж, отец, брат, друг, любимый. У каждого есть неотъемлемое право на будущее и на счастье...».

Считая время, на стенке жужжали часы. Ночь брела по стране, приближая тревожный рассвет. Женщина вновь погрузилась в воспоминания, сидя на стуле у кухонного сто-

ла

Они с мужем были знакомы с самого раннего детства. Жили в одном доме, лишь в разных подъездах. Ходили в один детский сад. Затем в школу. Он был на два года только старше. Меж ними витали, порхали крылами флюиды, на зависть девчонкам, и пацанам. Антон был красавчик, отменно воспитан. Мечтал летать, сколько помнил себя. И твердо шел к цели. Занимался борьбой, был отличником в учёбе. Но она, – это всё, что было нужно мальчишке для счастья. И он за неё, дрался как зверь.... Конечно, если только на это кто-то решался.

После школы пошел в летное училище, закончил как надо. Она поступила в медицинское, – на медсестру. На последнем курсе они заключили, то чего оба желали долгие годы, – узы брака. Через год родились, Димка с Наташкой. С каким восторгом он это воспринял.... Как ликовал, привезя их домой из роддома. Боялся дышать, когда они отдыхали. Её носил на руках. Жалел, помогал, если был от полетов свободен. Но длилось недолго их несравненное семейное счастье, каких-то три года. И вот пятый год она поет лебединую песню.

Ночь утомившись, спешно покидала пределы. Небо нависло над самой землей облаками. Пора приготовить привычный не затейливый завтрак, – ей на работу, детишкам идти в детский сад. Юлька трудилась в реабилитационном центре, медсестрой. Где проходили лечения ребята из горя-

чих точек.

Война в Афгане завершилась в тот же год, когда погиб любимый. Но тут же поползла по стране, как злокачественная опухоль. Теперь делили власть имущие, между собой. А головы летели как всегда у тех, кто ею дорожил. Оставшиеся жить, залечивали раны в скромных заведениях красного креста.

Государство переживало глубокий кризис. На необходимое, цены росли как на дрожжах. Зарплата между тем повышалась скупно. Рабочих мест безбожно не хватало. Предприятия, Концерны, Банки от безденежья лопались, как мыльные пузыри. Тогда то и случился этот казус, – детсад и реабилитационный центр был размещен, в одном здание. Хотя для женщины это было кстати, детишки рядом, – под боком. При случае всегда можно навестить....

Утро хмарилось, подобно пролетевшей ночи. Город проснулся и засуетился. Она подняла детей и собрала в детсад. Семейство выплыло из подъезда и влилось в разншерстный поток. Люди спешили, кутаясь в теплые одежды, пробираемые ранней свежестью. Детский сад находился рядом. Лишь, обогнуть угол дома. Старенькое типовое строение. В него еще ходили они с Антоном. Он стоял и мигал большими пустыми окнами. Со скрипом, открывая двери, впуская оживленных постояльцев. И тихо, мирно гудел, как улей. Зеленым шатром, окружили его старушки ивы. Стройные березки, выстроились в ряд, вдоль асфальтированной дорожки.

Когда компания ступила на нее, – та была пуста. Детвора вертелась и весело болтала. Но сделать удалось лишь шагов пять, шесть. Мать, как птица, вдруг встрепенулась; подхватила детенышей, и увлекла стремительно за собой. Остановилась далеко в стороне, с трудом переводя дыхание.

На самой середине дорожки красовался внушительных размеров скорпион. Таких, она и не видывала. Те, что всплыли в памяти, были экземпляры гораздо меньше. А этот же немислимый гигант, почти полметра... наверно все же больше. Как из какого-нибудь фильма ужаса. Привидится ж такое.

Монументально вскинув клешни и угрожающе выгнув хвост, он красовался, перед случайными не многочисленными зрителями. И никуда не торопился. Смотрел на них пронизывающим взглядом. И думал: «Как мелочны они в своих стремлениях.... Погрязли в суете и паутине чувств. Им недоступна сила подсознания. И оттого карман их пуст.... Им не понять великие стремления.... Они довольны тем малым, что имеют. Но я.... Я так умен, и крут. И у меня есть пара фокусов. Что недоступна, этим жалким людям. Но эта особь мне бы подошла.... Она прекрасна. Надо занести её параметры в файлы». И он ещё разок внимательно взглянул, вслед убегающей стремительно семейке.

Юля, совершая манёвр, проскочила мимо. Влетела в дверь детсада. Сообщила о неожиданной встрече заведующей. И сама лично по телефону вызвала МЧС. Затем все вместе осматривали дорожку, двор, из окна. Но монстр скрылся. Она позвонила матери Антона, и попросила на сегодня забрать внуков к себе. В связи со сложившимися обстоятельствами....

Та теперь жила одна. Отца хватил удар, буквально сразу после похорон сына. Он пару недель помаялся, и ушел следом. Любовь Михайловна осталась век свой доживать. У женщин есть всегда причина это сделать.... Хотя бы ради внуков.

Детей, не переодевая усадила на скамейку дожидаться. Сама отправилась на работу, спеша и смешно озираясь. Как

ужаленная взлетела, по ступенькам. Там все вершилось, как обычно без эксцессов. Степенно соблюдая распорядок. В ординаторской собрался уже почти весь персонал. Ожидали пяти минутки. Юлиана переоделась и поспешила к ним.

Ей нравилась работа. Она на ней горела. Хотелось всех своим теплом согреть. Помочь обрести покой. Найти дорогу в жизни. Хотя тот груз и не убрать с их плеч, что им оставшимся в живых, нести приходится. Но то, что ей по силам, она старалась делать, чтоб эту ношу облегчить.... И здесь она забывала о своих страданиях.

Удачный подобрался коллектив, такими были все. Они понимали, с чем столкнулись парни. Но все же к ней тянуло пациентов больше. Ребята таяли при виде медсестрички. Ещё бы. Фотомодель, в белом халате. С замечательным, открытым настежь сердцем. И безукоризненно исполняющая дело. Лишь только заскользит по коридорам, зашелестит накрахмаленным халатом, они и замирают. Прислушиваются к каждому её шагу. На процедуры, как на праздник.... Но это только, как к сестрички. Им была известна ее тайна. Что муж погиб в Афгане. Что до сих пор она о нем страдает.

В ординаторскую вошла следом за главврачом. Святослав Бенедиктович, – ведущим был светилом по части психологии, и неврологом отменным. К нему со всей страны на приём попасть пытались. А он вот посвятил себя не примечательному делу. Он говорил: «Я клятву Гиппократу, для чего давал? Я должен помогать тем, кто во мне более всего нуж-

дается. А этим, я нужен как воздух.... Тем, кто коснулся тёмной грани».

Он подвинулся к столу, но не присел. Опрос повёл беспроволочек с ходу. Юлька тихонько осела с краю у стола.... – «Борис Львович, как там у нас Сергеев?»: обратился он к хирургу: «Мы что-то плохо продвигаемся с его лечением. Медикаменты все есть? Да? Массаж? Иглоукалывание? Электрофорез? Да батюшка не всё доступно лекарям. Душа.... Душа. Но продолжайте делать всё. Никитин, как? На сегодняшний день, его дела получше.... Он вроде бы, идёт на выписку, на будущей недели? Андрееenko.... Стрельцов.... Кудашев.... Бойко.... Астахов.... Ивлев.... Иванов.... Петров.... Кудрявцев....»: внимательно, выслушал. План утвердил. И улыбнулся: «Вы у меня отменные молодцы, вас и ругать то не за что. Пойдёмте на обход.... Сергеев первый».

Сергей Сергеев к ним поступил давно, уже пошел второй месяц. Молчун. Не важный аппетит.... После ранения плохо заживают раны. Рассказывают, он из подразделения уцелел один. Его нашли под трупами, с гранатой. Чека на взводе. Бес сознания.... Как не рванула адская машинка? И вот молчит. Он выжил, но погиб, – оплакивая павших. Святослав Бенедиктович по суетился, – осмотрел ранение. Попробовал вести с ним диалог, на посторонние известные всем темы. Но парень тупо мерил потолок, не замечая доброго контакта.... Затем пошли к другим.

В той же палате лежал Никитин, – у окна. Он был не раз

в боях, не первый раз и ранен. Душа как камень, ум прожжён насквозь. Ему бы только в бой и убивать. Как будто то игра. И ничего не надо: «Вот выйду и опять к ребятам. Они меня там ждут, звонят, пишут. Загнали чехов в угол. Отборный размели отряд... На следующей недели, снова в бой. Я не поеду отдыхать. Рвану к ним сразу.... Я покажу, как надо убивать».

Того и хлебом не корми, лишь дайте автомат. Он в жизни так же был расчетлив и жесток. И к Юльки был как все не равнодушен. Но правил чести он не признавал, ему плевать теперь на блики чести. Его тянуло к ней, он к ней пылал всей страстью. И жестко, тупо по мужлански флиртовал. Здесь и сейчас, – вот что имеет для него значение. И наплевать, что будет после нас....

Ребята спорили с Костяном, и не раз. Но он упертый. И лишь однажды сдрейфил не на шутку, когда Сергеев оборвал его рассказ, порочащий медсестричку. Но тот молчун. И мрачен, как грозовая туча. Пойди, пойми, что у него на уме. И тот угас. При нём не смел, о ней открыть свой рот поганый. Но видимо мечтам не изменил.

Как и всегда день начинали с процедур: «Перевязки, капельницы, инъекции, массаж, иглоукалывание, электрофорез». Обработка палат. Завтрак. И прогулка. Всё завертелось, закрутилось как обычно.хлопот был полон рот. И женщина забыла предупредить начальство, о неожиданном эксецесе.

Сергеев ждал её прихода. Она была связующим звеном с реальным миром. Само добро и верность, в привлекательной обертке. Один лишь взгляд и сердце готово было выпрыгнуть от страха из груди. Боялся он, что его чувства причастны станут к её новым переживаниям. И все скрывал под маской отчуждения. И в этот день все было, как обычно. В процедурной слышался её шутливый лепет. Больные выстроились в ожидание. Затем она шла по палатам. Ставить капельницы. И наступал тот миг, когда открывалась его дверь. Она шурша и благоухая свежестью и препаратами, подходила к его кровати. Ставила систему. И осматривала повязки. Когда его касались её пальцы, он покрывался гусиной кожей. От жгущих изнутри желаний. – «Сережа как тебе спалось сегодня? Погода хмарится. Не беспокоят раны? Может поставить обезболивающее? ...Мне сказали ты опять вечером не ел»: ворчала тихо можно сказать чуть слышно: «Капельница до капает, придёшь на перевязку». И повертевшись, тут же ускользнула.... Но он пойдет ещё на перевязку. И мысли закружили в дикой пляске. О боли он не думал. Что боль? Когда она опять с ним рядом. Он как всегда всё больше молчал. По необходимости бурчал: «Да. Нет». Но взгляд его срывал с него ту маску. И Серега чувствовал, что ей известно о его нескромном чувстве. Но она о том молчала, и он мол-

чал. Ведь точно знал, что её сердце наполнилось ещё не застарелой драмой. Взглянул на медленно срывающиеся капли, на жидкостью наполненный флакон. Вдохнул. И погрузился в воспоминания. ... Окончил школу. Пошёл работать на завод Сталелитейный. Решил не торопиться с выбором профессии, хотя и думал, что в будущем непременно будет поступать на инженера, – по сталям, сплавам. Его завораживал огонь пылающих печей. Разливка раскаленной массы. Ещё была для того весомая причина, он был из династии литейщиков. И сколько помнит – дома, всегда преобладали разговоры о работе. И дед, и прадед, и его отец себе другого ремесла и не желали. Мать не противилась его решениям. Она была горда, что он их принимает сам.

Но осенью пришла с военкомата повестка. После учебки сразу же в Чечню. А там.... Там взрывы, порох, канонада, все реально. С ребятами лишь познакомились.... А в рукопашной, рота вполовину сократилась. Абреки, не чета юнцам желторотым, что пороху не знали. Они жестоко расправлялись с ними. Он уцелел в тот первый раз. Потом ещё.... Не знал за что кипит клокочущий котел, но убивал за тех, кого уже не стало. За то, что им приходится всё это делать. Потом пришло остервенение. В тот для него последний бой, был дан приказ обосноваться на высотке. И контролировать безопасность дороги.

Но чеченцам она нужна была тоже. И бой был не на жизнь, а на смерть. Один остался, а они все прут. Кончились бое-

припасы. И тут он выдернул чеку... Мелькнула мысль: «Живым не дамся гадам». Свистнула и впилась в тело пуля. Затем другая. Затем все стихло. Где-то совсем рядом, рванула мина. Он крепко сжал гранату и медленно угас....

Его нашли свои ребята. Они спешили. Но продвигались с боем. И пришли, когда вся рота полегла. Его заметили не сразу. А обнаружив, были в полном шоке. Приметив подарочек в его руке.... А там госпиталь. Пацаны с тяжелыми увечными ранениями. Боль, страх, потеря веры. Жизнь без войны. Но как же те, что пали? Как жить? Когда они погибли. Смотреть в глаза родителей, невест, что белый танец свой уныло танцевали без платья и фаты, и без колец. Он вздохнул. Глянул на флакон. Перекрыл систему. Выдернул иглу. Немного полежал, и медленно поднялся. Ему ещё все-то давалось не без труда.

Опираясь на штатив, как на костыль, отправился на перевязку. Из двери выполз корча гримасы Ивлев. Серёга хмыкнул. И мрачно вторгся в Юлькино пространство. Она стояла у окна, и видимо мысли не ограничивались здешними реалиями. Она сияла взглядом, и еле – чуть заметно улыбалась. Он тоже на мгновенье замер. Боясь спугнуть её чудесное преображение. И наслаждаясь видом.... Она очнулась, будто почувствовала взгляд: «А Сережа, садись на кушетку, – длинно». Подкатила столик с мазями, бинтами. И осторожно стала снимать повязку. Внимательно осмотрела рубцующиеся раны. Обработала раствором.

– «Всё ж мы идем тихонько на поправку. Рубцы почти уже сформировались. Лишь кое-где немного кровоточат. Но это не так страшно. Ты только должен захотеть вновь жить. Пойми ведь те, кто там погиб, они б хотели, чтобы ты её не прожигал напрасно». Она вздохнула: «Ты должен ради них её прожить по полной. Так чтобы другие обзавидовались. Так чтобы самому не стыдно было». Она опять взгрустнула на мгновенье. И встретившись с ним взглядом, поспешила встать и отойти. Он сел. Попробовал подняться, но голова от слабости кружилась. Снова сел. Юлька подставила плечо. Он с удовольствием оперся. И они вместе поковыляли до кровати. За то всё время, не проронив ни слова. Ей казалось, что она ни разу так и не услышала его реальный голос. Лишь: «Бу-бу-бу». А как же паренёк собой хорош: высок и статен, метр восемьдесят. Копна густых темно русых волос. Открытый умный взгляд с гаком. Из-под нависающих бровей, – синели и плескались, как озера, глаза. Высокий лоб. И выразительные скулы. Немного телом обветшал, но кость широкая, а мясо нарастет. Они дошли, он осторожно сел и вытянул худые длинные ноги. Те с непривычки ныли. Ходить он стал совсем недавно. Сестричка ускользнула по делам. А паренёк размявшись, растянулся на постели и по привычке уставился отрешенно в потолок. Она ещё не раз к нему за день заглянет. Проверит, как себя ведёт его здоровье. А вот Костян, опять на грубость нарывается.

А тот не в силах скрыть от страсти возбуждения. Так и сы-

пал каверзные шутки. Пускал слюну, как несравненный шут: «Нашелся скоморох ещё». Никто не захотел его пошлятину слушать. Один за другим вышли прогуляться в холл. Он сник, кидая в сторону Сереги осторожный взгляд, выскользнул следом. Палата опустела. Позвали завтракать. В столовой застучали стулья. Ему все то, принесут попозже.

Кажется, он все ж проголодался. Общение с Юлианой приносит результаты. Вернулись мелкие приятные желания. И иногда одолевали фривольные фантазии. Но это очень личное, он сам краснел от содержания. Стал скучать по дому. Часто видел маму в снах, отца, братишку, деда, завод, и доменную печь и кажется, что жар от раскаленного металла. До мелочей реально.

Санитарка принесла разнос с едой. Баба Паша была простой русской женщиной, – трудягой. Лет шестьдесят ей. Любила всех, как собственных детей. Потихонечку журила, наставляла, страдала. При расставании плакала. Её тоже любили, все без исключения. И приходили в гости, если где-то случалось бывать рядом. Таких людей да побольше, и жизнь не была бы серой и холодной.

Она засуетилась у постели. Серега сам, от боли морщась, сел. Улыбнулся, и сказал спасибо. Баба Паша смешно закатила глаза и запричитала: «Ты, что наверно сынок, заболел? А голос, это же не твой»: смеялась она беззвучно: «Что бы всё съел. Хватит валяться. Руки, ноги целы. Голова работает. Поправляйся, набирайся сил и вперёд дерзай, вся жизнь

в твоих руках. И дай то Бог нам свидится не здесь». Она ещё разок взглянула на него, счастливо улыбаясь, и заспешила к следующей палате.

Пациенты позавтракали и разбродились, кто куда. Погода хмарилась, но дождь не капал. И кое-кто отправился вдохнуть свежего воздуха. Медперсонал устроился позавтракать в столовой. И это было так традиционно и приятно, по-домашнему. Шутили. Делились новостями. Чем-то личным. Баба Паша не преминула сообщить, что Сергеев сегодня, заговорил и даже позавтракал: «К нему вернулась всё же жажда жить».

Борис Львович, – это человек, что сам строил себя и свою судьбу. Он был, как всегда не слишком многословен. Но с удовольствием выслушивал весь этот женский лепет. И иногда нет, нет, да и скользила по его лицу тень затерявшейся улыбки. Война коснулась каждого своим жестоким жалом, в огромной неприкаянной земле. В его семье хранятся пожелтевшие от времён фронтовые письма, и похоронки ещё с четырнадцатого года, затем и сорок первый внёс свои поправки. От некогда многочисленного семейства, остался он один, как продолжатель рода. Пошёл в доктора, по зову сердца. Сюда пришёл не за большим рублём. Мальчишкам лечить раны. И подходил ответственно ко всем своим решениям. Юлька, вычерпывала остатки геркулеса, когда вдруг вспомнила о скорпионе. И обомлела. Взглянула на врача, что так же почти закончил завтрак. И встретившись с ним взгля-

дом, тревожно пригласила следом выйти. «Борис Львович миленький только вы не смейтесь. Это очень серьёзно.... Я сегодня утром, когда шла на работу, встретила большущего скорпиона. Просто невероятных размеров. Мы с заведующей детского сада вызвали МЧС. Но я не знаю, поймали они его или нет. Может пока не пускать ребят на улицу.... Я сейчас же сбегая, узнаю»: она от напряжения закусил губу. А доктор почесал затылок. Его все это как-то засмущало: «Откуда взяться скорпиону в северных широтах? Ну, а размеры. Что со страху бабе не привидится?» Но обижать не стал: «Конечно ж Юля, бегай.... Я тоже выйду, пациентов собираю». И они направились на выход.

Детсад был пуст. Дверь заперта на ключ. На ней висело свежее объявление: «Ушли в театр, до 13 часов. Зав. детсад. Сангвина Е. Л.». Какое разочарование охватило сердце.... МЧС как видно их кинули.... Подумали, что это чья-то злая шутка. Да они лететь должны были на звонок, как на пожар. Ведь это ж детский сад. А их не приняли всерьёз. Ну да, пока не грянет гром». Потоптавшись обречённо на крыльце, Юлька побрела назад. Надо позвонить ещё.... Да, и позвонить свекрови, – узнать с ней ли дети.

Прошла спеша по холлу в ординаторскую. Телефон был там. Первым делом звякнула домой. Там всё в порядке. Ну а, затем вновь набрала номер МЧС: «Простите, я уже звонила вам сегодня утром. Вы что же приняли всё за розыгрыш? Но я же не шутила.... Вы не подумали, что это детский са-

дик? И ядовитое чудовище, его немедленно надо бы поймать. Зачем же подвергать опасности детишек? Я с вас не слезу. Я достучусь до вас. Его желательно поймать, как можно раньше». На том конце, как будто бы растаял лёд. И посмеявшись над разгоряченной речью Юльки, диспетчер пробасил: «Отряд, на вызов». А в трубку доложил: «Встречайте. В течении часа будут». И бросил трубку. Немного постояв поразмыслив, она направилась на выход. Но тут-то всё и началось.

Санитары внесли Кандратьева, он был как стена белый. У края рта шипела уже пена, зрачки большие, тело была судорога. А в арсенале противоядия такого нет, и не понятно сколько его надо. Затем ещё, и ещё. Как будто всё специально, целенаправленно с умыслом каким. Петров ещё сам шёл. Он подтвердил рассказом те опаски. И всем укушенным стремительно плохело. Палаты переполнены, как после боя. Юлька заметалась, в поисках главврача. Но оказалось, он был тоже ранен. Прилёг в кабинете. Увидев девушку попытался подняться, но уже не смог.

– «Юленька, деточка прости, что не поверил. Я уже беспокоился о противоядии, пообещали спешно подвезти, но если я уже не буду в добром здраве, то соизволь от моего имени всё это развести.

У Юльки побежали слёзы. Чувство не поддельного горя захлестнуло сердце. – «Что же это? Как же? А главное кем был тот злейший враг? Что развернул свой бой в доверенных ей границах». Она решительно поднялась почти побежала,

толкнула дверь кабинета. И поймала ту в полёте. От увиденного, её чуть не парализовало. Челюсть отвисла, – спохватившись захлопнула рот, и прикрыла дверь. В оставшуюся щель пыталась разглядеть творившийся там хаос.

На самой высшей, доступной для идеального обозрения точки, – как на постаменте, надменно и раздувшись мыльным пузырьём, восседал тот самый гад. Что утром встретился и что был тем началом бед. Скорпион, как будто бы стал больше. А все вокруг теперь его марионетки.

Подобное встречается у знахарей вуду. Сначала отравление, а затем после клинической смерти, – зомби.

Все обожаемые ею люди маршировали в холле лечебницы, как будто готовились к марш броску. Она прикрыла дверь, и обернулась на главврача. Он бился в конвульсиях, затем вздрогнул и отключился, – в полной прострации. Видно букашечки нужны только воины, – выбирает. У входа затарахтели машины, медсестричка подкралась к окну и осторожно выглянула. Вахтенные узики. – «Интересно в какую сторону он собирается отчаливать? Я не собираюсь бросать мальчишек в самый отвратительный момент»: подумала Юлька. И выскользнув в холл, пристроилась в хвост колонны: «Может не заметят?» А потом на улице юркнула под машину в багажник, где хранились лопаты и вёдра.

Машины заурчали и маневрируя двинулись с места. Вырулили на магистраль, и зашуршали за пределы города. На первом повороте свернули и поехали по разбитой просёлочной

дороге в сторону научного городка. Он ещё только начинал функционировать. — «Зачем это ему?»: Юлька охнула от догадки: «Казявочка, а туда же. И всем нужен мир у ног».

Подъехали к проходной. Дежурный выскочил из будки, и приказал остановиться. Скорпион восседал на переднем сидении первой машины, и как только открылась дверца, нанёс свой коронный удар. Парнишка дёрнулся и осел. Его даже не стали убирать из-под ног. Шлагбаум подняли, и машины въехали на территорию комплекса. Тело осталось лежать на пыльной дороге. Уазики проследовали к единственному обжитому зданию, остановились и заглушили моторы. Рота выгрузилась и ринулась на захват.

Юлька отметила про себя, что мальчишки выглядят огого, — свеженькими, бодренькими и сильными будто и не они только что были пациентами их лечебницы. Она пристально вглядывалась в толпу, ища Сергеева. Но его не было видно. Вдруг тихий шёпот рядом, над головой. От неожиданности она подскочила и больно ударилась о крышку ящика головой. — «Юлька, беги»: шипел Серёга: «Они сделают всё, что он им прикажет. Я видел там рабочих на перекрестке, постарайся их убедить покинуть городок. Всё я пошёл»

Девушка напряглась, но тут же обречённо обмякла, выбралась и перебежками бросилась к рабочим. На перекрёстке прокладывали теплотрассу. Работал кран, гремело железо и её голос потонул в шуме. Но внимание всё же обратили. Инженер подхватил Юльку под руку и отвёл в сторону:

«Солнышко ты чего лезешь в травмоопасное место? Тебе что жить надоело?» Но обратив внимание на её шоковое состояние, сменил тон: «Тебе чего?» Юлька пересказала вкратце ситуацию. И безнадёжно отвела взгляд. Андрей не стал ничего говорить направился к работающим, и те тут же побросав всё, удались в сторону второго выхода. Андрей вернулся: «Ну что, пойдём спасать твоих пациентов?»

– «А ты что, знаешь как?»

– «Нет, но на месте решим».

– «А я понятия не имею как. Их силой не возьмёшь. У них коллективный разум, – в доверие не втиснешься. В общем только смотри и жди».

– «Вот пойдём и там решим».

– «А ты что умеешь воевать?»

– «У меня Афган за плечами».

Юлька осеклась и поплелась за ним. Зашли к зданию с тёмной зоны. Он забрался на козырёк перед входом, и подал ей руку. Она долго болталась как сосиска, но подтянулась и вползла к нему. Приоткрыли окно и забрались в комнату. Дверь кабинета была заперта на ключ. Андрей достал из кармана проволоку и вставил в замок. Там что-то щёлкнуло, и она поддалась. В приоткрытую щель просматривалось небольшое пространство. Там шла бурная деятельность.

Инженер выскользнул за дверь, оставив девушку в полном одиночестве. Послышался шум, возня, грохот падающей мебели. Андрея и Сергея, втащили связанными в комнату, бро-

сили на пол перед её ногами.

– «Здесь явно что-то не то, почему они не трогают её?»: опять догадка коснулась её и она даже поперхнулась: «Фу! Я не буду его инкубатором». Присела над пацанами слясь освободить. Андрей был в отключке, пена уже обильно шла ртом. Серёга был только изрядно помят. Дверь опять открылась. И девушка птясь присела на пятую точку. Это был новоявленный гегемон. Он не обращая никакого внимания на втор сырьё барахтующеся у ног. Двинул решительно к ней. Она почувствовала, как холод скользнул по спине. – «И не думай!»: вскрикнула она. Спешно отползая. Затем как при виде таракана её передёрнуло, и она наклонилась к своей ноге и сняла туфлю. Когда монстр приблизился и готов был нанести удар. Она со всей силы стукнула тяжёлым каблуком по его хитиновой головке. И он разлетелся по кабинету зелёной слизи.

– «Бе!...Какая гадость!»: в ужасе взидала на себя Юлька. – «Фу! Какая вонь! ...И как же это его распёрло». Андрей дёрнулся и открыл глаза. Девушка подползла и принялась развязывать путы. – «Мальчики я сейчас... я быстренько...»: наконец узлы поддались, руки были освобождены... ноги, он развязал сам. А сестричка уже склонилась над Серёгой. – «Серенький я сейчас... я скоренько. Солнышко тебе больно... потерпи сладенький»: и она принялась теребить затянутый узел.

Андрей подполз и присел: «Отойди». Достал нож и раз-

двоил верёвку. Серёга приподнялся. — «А, мужик. Ты жив? ...Я рад... Как думаешь что случилось? Как будто всё стихло. Дай нож ноги освобожу. Надо посмотреть»: разрезал больно стягивающий ноги шпагат и вскочил. Отстранил Юльку от двери: «Не лезь». Выглянул, и обернувшись присвистнул. Выпрямился и шагнул вперёд. Дверь безвольно поплыла и бухнулась об стену. На полу, кто где валялись приходившие в себя мальчишки. Юлька прослезилась и бросилась к лежащему в коридоре у шахты лифта Никитину: «Костя, горе ты моё, как ты?» Приложив немалые усилия, приподняла и усадила его, оперев о стену. Никитин соображал с трудом, но уже приходил в себя. Бросил на неё взгляд и виновато улыбнулся. Он ничего не помнил. Андрей достал мобильник и набрал номер: «Пацаны вы где? Вы очень мне нужны. Это не долго. Но важно. Доброе дело».

Скоро подтянулась Андрюхина бригада. И пациентов загрузили в машины. На выезде подобрали пострадавшего парнишку. В госпитале уже теплилась жизнь. Прибыла вакцина. Первую помощь медперсоналу оказали. Глав врач прослезился, завидев Юльку: «Я уже и не думал, что тебя увижу. Проклинал себя, на чём свет стоит. Это ж надо такому приключиться. Солнышко, деточка я тебе не поверил... А оно вон как».

Разложив всех по палатам. И оказав помощь. Юлька рухнула на лежак в процедурной.... Это страшный сон. Казалось, вот только щипнешь себя, и проснёшься тут же. Но ес-

ли бы это было только так. Серёга заглянул. И вошёл. Приблизился и присел рядом: «Иди ко мне. Иди моя сладенькая. Я теперь тебя никому не отдам». Юлька улыбнулась: «Обещаешь?»

– «Обещаю»: он посадил её на свои колени и прижал к груди. Всё как будто разом встало на свои места. – «Юль, выходи за меня замуж»: шепнул он. Юлька хмыкнула, и мотнула головой соглашаясь.

Серёгина и Андрея Бодягина представили к награде, Юльку поощрили материально, и отправили во внеочередной отпуск. Серёгин выписался сразу же, укус скорпиона излечил полностью. Почему на него он подействовал ни так как на остальных? Это потому что его уже кусал скорпион и организм выработал свой антиоксидант.

Они собрались и всем Юлькиным семейством рванули к морю. Женщину мучили отходняки. И море, это как раз то место, где ей стоило провести предоставленный отпуск.

Поселились прям на берегу в двухместном бунгало. Солнце светило как по заказу, и дети проводили у воды большую часть времени, только успевали смазывать антизагаром. В первый день она провалялась почти до самого заката в кровати. Стресс давал о себе знать. Приятно и резко изменилась жизнь, рядом не отходя возился Серёжка. И она была счастлива. Ещё нет нет, да и, всплывали картинки того омерзительного дня. Но всё, чем завершилась заварушка, делало её счастливой. Это то, чего она хотела. Не имея сил разорвать замкнутый круг одиночества, она просто приняла подарок судьбы.

Серёга возился в ванной у зеркала. Бритва плавно скользила, убирая отросшую щетину. Юлька поднялась и выскользнула за дверь. Дети у края моря строили из песка за-

мок. Она подошла, склонилась рассматривая. И восхищённо покачала головой: «Очень красиво. Какие же вы молодцы». Они довольно хихикнули и продолжили своё занятие.

Женщина выпрямилась и перевела взгляд на горизонт. День уже подходил к концу. Солнце садилось в пылающее море. Волны тихо плескались о берег. Свежий, лёгкий ветерок гонял влажный воздух, и ласкал горящее от восторга лицо. Как же всё красиво и спокойно. Она сделала пару шагов по направлению к воде и взглянула под ноги. Из груди вырвался страшный, душераздирающий крик. Она верещала не слыша себя, и не отдавая отчёта.

Серёгин летел к ней, как никогда не бегал, два прыжка и он был около. Подхватил на руки и прижал к груди. – «Юленька, Юленька, успокойся, я рядом. Всё хорошо. Смотри на меня. Что случилось?»

Она не поворачивая головы, указала под ноги. К песку прижался, и как будто даже прикрыл клешнями уши, маленький серенький скорпиончик. Этот вид не был опасным. Ну, если только очень чувствительным людям. Немного осмелев, он спохватился и дал дёру. Юлька всхлипнула и расплакалась. Дети были в полном изумлении: «Тот, дома был гораздо больше».

Серёга вошел в воду, занёс Юльку подальше от берега и опустил кружа по волнам. Она притихла и обмякла.

– «Господи. Какие же они женщины, одновременно сильные и слабые. Но как же этим завораживают, и пленяют!»

– «Я тебя люблю Юлька. Ничего не бойся. Я никому не дам тебя в обиду»: шепнул тихо, убаюкивающее, вселяя в неё абсолютную уверенность он.

И она верила каждому слову. И была счастлива. А что для счастья то надо, – это чтобы рядом всегда был преданный и любящий друг.

Женька (рассказ)

1

Я всегда знала, что мои встречи, это не просто пустой звук. О каждом человеке можно писать захватывающую историю, а то и не одну. Наверно это потому, что сама история нашей страны беспокойная, – взрывная. Но это тоже зависит от населяющего её народа.

В этом повествовании, я хотела бы рассказать об удивительном молодом человеке. С которым, нас свела по своей прихоти судьба. И который, вызвал в моей душе не поддельное восхищение. Это произошло перед самым развалом великого нерушимого государства Советского Союза. В то время у меня уже была большая семья: муж, я и четверо малолетних ребятишек. Для улучшения жилищных условий, мы переехали в районный центр, где купили старенький, но более вместительный домишко.

Соседи приняли нас не однозначно. Трудно вливаться в уже сложившийся коллектив, притертый жизнью. Да и сам факт, что мы купили дом, уже вызывал кривотолки. Потому что купить в районе, подобный домик, – мог позволить себе не каждый. И не имело значение, каким образом это у нас вышло. Денег катастрофически не хватало. А тут ещё раз-

вал государства, развал производства, обесценивание и смена денежных знаков.

Муж устроился на предприятие по производству тротуарной плитки. Тогда часто зарплату рабочим выдавали тем, что они производят. Так что мы получали весьма впечатляющую зарплату. Её доставляли на тракторе. Чем вызывали у соседей зависть.

Руки у моего мужа росли, откуда надо. Двор преображался, и аура наша темнела. Хотя и жили мы дружно, ходили друг к другу в гости. И при встрече улыбались и вели доброжелательные беседы.

Баба Маша была трудолюбивой и знающей себе цену хозяйкой. Она, в отличии от меня, умела всё, – что подобало уметь женщине в нашей местности. А это стирать, готовить, и выращивать приличный урожай на приусадебном участке. А ещё обеспечивать семью, яйцами, мясом, молоком.

Так что в её глазах я была малолетней выскочкой, которую сложно назвать идеальной домохозяйкой. Но я и не рвалась на пьедестал. Я просто старалась быть любящей женой и доступной мамой. Обеспечивающей семье погоду в доме.

У бабулиčky была большая семья. Дети детей, были старше моей старшей дочери. Так вот я, и хотела рассказать вам о её внуке. Он был не единственным внуком, но как пальцы на руках все разные, так и в её семье не было одинаковых внуков. Это был старший сын, её старшей дочки. Звали его Женькой. Ещё была младшая дочка, но это уже совсем дру-

гая история.

Любаша, – это мама Евгения, окончила техникум по швейному делу. Город, – вернее столица Кыргызстана соседствовал с нами весьма тесно. Сорок минут езды на рейсовом автобусе. Мужа выбрала городского и обеспеченного, но не пригодного в хозяйстве. Когда начались трудности, он просто сбежал под крылышко своих родителей. О материальной помощи можно было забыть. Но эта женщина могла за себя постоять. Так что обиду закусила, как удила, и взвалила на хрупкие плечи свой крест.

А Женька был не просто мальчиком, это был новоявленный гений, и человечище с большим сердцем. Бабуля в нём души ни чаяла. Тихонечко собирала пенсию и при случае втюхивала тайком, чтобы облегчить их долю. Ему тогда уже лет семнадцать было. Он просто был местной знаменитостью, гремел своими знаниями на школьных олимпиадах по физике и математике. Выпускной класс, – он дошёл до финала и победил. Зарубежные спонсоры заметили его и сразу же предложили обучение за границей. Но он не мог бросить свою маму и сестрёнку, он отказался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.